

ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

Денис Пожидаев

Паразит Вавилона

<https://litres.ru/74295429>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять человек. Герметичная комната. Три часа до автоматической передачи материалов. После вмешательства Марк Вельский должен доказать комиссии, что понимает последствия своих действий и способен за них отвечать. Но между тем, что происходит, тем, что слышат участники, и тем, что фиксирует система, начинают возникать опасные несовпадения. Любая проверка меняет объект наблюдения. Когда отсчёт приблизится к нулю, им придётся решить, что опаснее: ошибиться в человеке — или оказаться правыми.

Содержание

ГЛАВА 1. АКУСТИЧЕСКАЯ НОРМА	5
ГЛАВА 2. СОСТАВ	11
ГЛАВА 3. ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС	17
ГЛАВА 4. ВБРОС	23
ГЛАВА 5. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРАЗИТА	29
ГЛАВА 6. СЕТЬ, А НЕ ЦЕНТР	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Денис Пожидаев

Паразит Вавилона

ЧАСТЬ I. ПРОТОКОЛ

ГЛАВА 1.

АКУСТИЧЕСКАЯ НОРМА

Дверь села в проём с коротким герметичным щелчком, и комната сменила звучание.

Ардин слышал, как ручка в нагрудном кармане качнулась и задела металлический зажим. В коридоре этого звука не существовало. Здесь он имел начало и конец.

Помещение проектировали не для разговора. Для доказательства.

Он прошёл к торцу стола, положил папку, выравнивал её по краю. Стол был прямоугольный, светлый, пустой в середине. Слева от Ардина сидела Левина, справа — Кравец. Вельский занимал место сбоку, ближе к дальнему углу, не напротив никого. Ратникова сидела отдельно, у стены, за консолью, развёрнутой так, что она видела и стол, и экран.

Экран занимал торцевую стену целиком. Над ним, чуть выше уровня глаз, стояла камера. Часы были встроены в интерфейс — не циферблат, а строка. Стены были обшиты серыми перфорированными панелями. Единственное окно было наблюдательным и тёмным; в нём Ардин увидел собственную спину и затылок Кравца.

— Контур герметизирован, — сказала Ратникова, не оборачиваясь. — Каналы подняты. Идёт техническая проверка.

— Мы ещё не открыли заседание.

— Я записываю только проверку. — Она смотрела на индикаторы. — Содержательный протокол не начат.

Ардин отметил про себя, что часть системы работает раньше его подтверждения, и не стал делать из этого замечания. На экране уже стоял шаблон: пять строк, пять имён, пустые поля реплик. Строка Вельского была такой же, как остальные.

— Регламент захвата, — сказала Ратникова. — Сырые данные — аудио, видео, телеметрия — пишутся в опечатанный доказательный контур. Работа ведётся только с производными слоями. Вскрытие сырого контура во время заседания возможно исключительно по единогласному решению голосующих членов комиссии. Любой доступ оставляет отметку в цепочке происхождения.

— Целостность исходных данных гарантирована? — спросил Кравец.

— Гарантирована.

Он кивнул и вернулся к разъёму, который проверял с той минуты, как вошёл.

Ардин подписал регламент, не перечитывая. Левина подписала следом и сразу придвинула к центру стола свой лист с формулировкой заключения — не к себе, а именно к центру, будто он уже был общим. Карандаш лежал у неё поперёк листа, как запрет.

Она начнёт с определения. Не позже третьей фразы.

Кравец подписал последним. Он подписал, не глядя ни на кого, и микрофон перед ним стоял ближе, чем нужно.

Вельский держал на коленях тонкую папку. Он выглядел человеком, который спал четыре часа и знает, что этого мало. Волосы за левым ухом были подстрижены короче, чем справа; под ними шёл тонкий, уже побледневший шов. Он не касался его. Он листал страницы и, кажется, читал.

Устал сильнее, чем указано в заключении.

Ардин раскрыл папку, проверил порядок листов, щёлкнул ручкой.

— Готовы начинать?

— Готова, — сказала Левина.

— Да, — сказал Кравец.

— Каналы в норме, — сказала Ратникова.

Ардин перевёл взгляд на строку времени. Она была неактивна и показывала нули.

— Протокол уже идёт.

Он услышал это отчётливо, справа, на обычной для комнаты громкости, и ответил, не поднимая головы:

— Техническая часть не входит в материалы экспертизы.

— Входит. Система фиксирует подготовительный обмен. Он войдёт в пакет.

Ардин посмотрел на Ратникову.

— Это так?

— Технический журнал попадает в пакет, — подтвердила она. — Содержательно он пуст.

Она сказала это, глядя не на Вельского и не на Ардина, а в интерфейс — так, будто проверяла не сам факт, а то, откуда система взяла его формулировку. Потом отвела руку от клавиш и коротко коснулась корпуса консоли, словно возвращая себе точку опоры.

Ардин посмотрел на Вельского. Тот держал папку раскрытой и медленно поправлял манжету левого рукава, вытягивая её из-под часов.

Он ответил, пока я смотрел на таймер.

Объяснение было полным. В комнате не было ни эха, ни направления; звук здесь не имел адреса, и определить, откуда именно пришла фраза, было бы странно требовать от слуха. Ардин так и записал бы это, если бы кто-нибудь спросил.

Он выпрямился.

— Комиссия приступает к работе. Прошу зафиксировать.

Строка времени налилась цветом. Появились имена, должности, полномочия. Три позиции получили отметку «голос». Вельский получил отметку «субъект экспертизы». Ниже развернулась цель заседания и время автоматической передачи пакета в закрытую мультязычную систему — три часа, до минуты.

— «Установить сохранность личности», — прочитала вслух Левина. — Замените.

— На что? — спросил Ардин.

— На «установить сохранность понимания, выбора и ответственности». «Личность» — не термин. Под ним каждый

из нас понимает своё, и через час мы будем спорить не о Вельском, а о слове.

Возражений не было. Ратникова внесла правку. Строка обновилась, и под ней, светлее основного текста, встала вторая:

**Предложенная унифицированная формулировка:
установить сохранность субъектных функций.**

— Короче, — сказал Кравец.

— Общее, — сказала Левина. — Это не одно и то же.

Ардин выбрал её вариант. Он сделал это не из принципа, а потому что спор о заголовке в первые минуты заседания отнимает больше, чем стоит. Предложенная строка ушла вниз, в служебное поле, и осталась там.

Он придвинул к себе лист.

— Заседание клинической верификации. Присутствуют трое членов комиссии, технический секретарь и Марк Андреевич Вельский, в отношении которого проводится экспертиза.

— С участием.

Ардин остановился.

— Что?

— Не «в отношении». «С участием». Я не под наблюдением. Я даю показания о собственном состоянии. Это разные процедуры, и они по-разному ограничивают вас.

Он был прав. Формулировка «в отношении» позволяла комиссии выносить решение о человеке, не спрашивая его;

«с участием» обязывала спрашивать. Ардин собирался ответить, что это уточнение будет учтено, но обнаружил, что уже смотрит на экран.

Строка стояла там целиком:

Вельский М. А.: уточняет процессуальный статус. Настаивает на формуле «с участием».

Ардин прочитал её дважды. Она была точна. Она была составлена лучше, чем он сам сформулировал бы на слух, и она появилась раньше, чем он успел определить, в какой момент фраза закончилась.

Он поставил галочку в поле подтверждения.

Модуль стал быстрее.

ГЛАВА 2. СОСТАВ

— Комиссия в составе: Ардин Илья Сергеевич, председатель. Левина Софья Михайловна. Кравец Антон Викторович. Технический секретарь — Ратникова Нина Олеговна.

Он назвал её последней, как и полагалось, и только потом посмотрел на экран.

В интерфейсе она стояла первой. Не по алфавиту и не по должности — над всеми, отдельной строкой, с отметкой «владелец протокола».

Разумно. Документ ведёт тот, кто отвечает за документ.

— Уточнение, — сказала Ратникова. — Моя подпись подтверждает техническую целостность записи. Под выводами комиссии она не стоит.

— Зафиксировано.

— Это неточно, — сказала Левина. Она говорила медленно, и карандаш в её пальцах поворачивался в такт. — Техническая целостность влияет на выводы. Если запись будет неполной, мы придём к другому заключению. Значит, её роль не является нейтральной. Она просто безответственная.

— Она внепроцессуальная, — сказал Ардин. — Разделим формальную ответственность и фактическое влияние, иначе мы не начнём и через час. Софья Михайловна, дальше.

Левина не стала возражать. Она подчеркнула что-то у себя и сдвинула лист к центру стола.

На экране развернулась цель заседания.

Оценка психического состояния, когнитивной сохранности и научной достоверности заявлений М. А. Вельского после экспериментального нейрохирургического вмешательства.

— «Заявлений», — сказала Левина.

— Что не так?

— Всё. «Заявление» предполагает завершённую словесную форму, установимого автора и единый текст, который можно точно процитировать. Мы ещё ничего из этого не установили. Мы вписываем вывод в постановку задачи.

— Предложение?

— «Передаваемых им сообщений».

— Это уступка, — сказал Кравец, не отрываясь от разъёма, который держал в руке. — «Передаваемых» уже подразумевает канал. Мы не установили канал.

— «Сообщаемых сведений», — сказал Ардин.

Ратникова внесла правку. Строка обновилась, и под ней, светлее основного текста, встала вторая.

Предложенная унифицированная формулировка: зафиксированного содержания.

Левина смотрела на неё дольше, чем требовалось.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Это действительно снимает спор.

Ардин принял версию системы. Она снимала все три возражения сразу, не выбирая ни одного из них, и была короче любой из предложенных.

— Порядок, — сказал он. — Первое: медицинская ориентировка. Второе: описание вмешательства. Третье: проверка речевых функций. Четвёртое: оценка гипотезы. Пятое: решение о передаче материалов.

— Гипотеза первой, — сказала Левина. — Пока мы не определим, что он называет языком, все остальные вопросы будут заданы в его терминах.

— Протокол операции первым, — сказал Кравец. — Всё остальное — комментарий к нему.

— Дееспособность первой. — Ардин закрыл папку. — Если человек не понимает, о чём его спрашивают, ценность его ответов равна нулю, включая ответы о протоколе и о языке.

— Порядок не нейтрален, — сказала Ратникова.

Все повернулись к ней. Она смотрела на свой экран.

— Модуль использует ранние формулировки как контекст для поздних. Что мы обсудим первым, то станет рамкой для всего остального. Это не возражение. Это свойство.

— Учтено, — сказал Ардин. — Порядок остаётся.

Она сказала это один раз и больше не повторит. Её и не спросят, пока что-нибудь не сломается.

Он открыл журнал заседания.

— Кто утверждал состав?

— Алгоритм междисциплинарного подбора. — Ратнико-

ва переключила вкладку. — Кандидатов было четырнадцать. Отобраны четверо.

— Основания?

— Ардин — специализация на нарушениях чувства авторства. Левина — работы по непереводамости и языковым универсалиям. Кравец — участие в предоперационном картировании и знание экспериментального протокола. Ратникова — опыт семантической сверки многоканальных записей.

— Какие веса? — спросила Левина.

— Максимальное различие компетенций. Минимальное дублирование. Полнота технического покрытия. Доступность в назначенное время.

Максимальное различие. Иначе три психиатра говорили бы одно и то же и подписали бы это трижды.

Разъём в руках Кравца щёлкнул громче, чем нужно.

— «Участие в картировании», — сказал он. — Это формулировка журнала?

— Да.

— Она неточная.

— Антон Викторович. — Левина повернула к нему карандаш. — Вы были участником эксперимента?

— Я участвовал в предоперационном картировании.

Он ответил быстро, ровно тем объёмом слов, которым был задан вопрос, и не единицей больше. Потом наклонился и поправил кабель, который не нуждался в поправке. На Вель-

ского он не посмотрел.

Ардин отметил уклонение и оставил его на потом. Медицинская часть была третьим пунктом; там это всплывёт само.

— Формулировка принята, состав зафиксирован. Переходим к ориентировочной проверке.

— В какую версию модели уйдут материалы?

Вопрос не касался ни состояния Вельского, ни его прав, ни экспертизы вообще.

Ратникова ответила, глядя в экран.

— Закрытая мультязычная модель, версия текущего квартала. Контур межъязыкового сопоставления включён. Внешняя сеть недоступна. Передача автоматическая, в ноль.

Вельский закрыл папку. Не резко — просто закрыл и положил ладонь сверху.

— Слой сопоставления отключаемый?

— До передачи — да.

К цели заседания добавилась строка.

Анализ межъязыковой устойчивости зафиксированного содержания.

— Это что? — спросил Ардин.

— Модуль предлагает расширить область анализа. Он видит в повестке разные формулировки одного пункта и предлагает проверить, насколько содержание сохраняется между ними. Пункт требует согласия комиссии: он расширяет права доступа протокола к сопоставлению версий.

— Согласия всех троих?

— Всех троих.

Кравец пожал плечами. Левина смотрела на карандаш.

— Это ровно то, чем мы занимаемся десять минут, — сказала она. — Странно запрещать системе делать то, что мы делаем сами.

Ардин подтвердил строку, не перечитывая её второй раз.

ГЛАВА 3. ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Ардин убрал положение о комиссии в папку и положил перед Вельским лист с четырьмя фамилиями.

— Ориентировочная проверка. Отметьте своё имя.

Вельский взял стилус. Он не искал глазами и не медлил: коснулся второй строки сверху, потом — даты на полях, потом — названия учреждения в шапке. Три касания, без пауз. Рука была точной.

Ориентировка сохранна.

На экране развернулось:

Марк Андреевич Вельский ориентирован в собственной личности, времени и месте.

Он такого предложения не писал. Он поставил три отметки.

— Причина заседания, — сказал Ардин. — Пять формулировок. Выберите ту, которая соответствует происходящему.

Вельский отметил три. Оценка послеоперационного состояния. Рассмотрение нарушения протокола. Решение о передаче материалов.

— Главную.

Стилус остался лежать.

— Требование одной главной причины искусственно, — сказала Левина. — У процедуры их действительно три. Вы просите его ошибиться.

— Я прошу его выстроить иерархию. Человек, способный оценивать последствия, ранжирует их. Это часть проверки, а не придирка.

Левина отметила слово «главную» у себя на листе и замолчала.

Вельский так и не выбрал.

Ардин перевернул бланк.

— Последствия. Ограничение дееспособности. Запрет на продолжение исследования. Изъятие данных. Юридическая ответственность. Принудительное лечение. Отключение импланта. Отметьте то, что понимаете, и то, с чем не согласны.

Отметки легли быстро. Он понимал всё. Не соглашался с двумя квалификациями. И поставил дополнительный знак у пункта о передаче данных, которого в списке последствий вообще не было — он вписал его сам, на полях, одним словом.

— Вы считаете передачу материалов более серьёзным риском, чем принудительное лечение?

Вельский написал:

Не менее.

Стилус остановился. Потом рядом появилось второе:

Не отдельно.

Ардин смотрел на две записи. Обе были точны. Обе не

отвечали на вопрос.

Не отдельно от чего?

Он не стал спрашивать. Он сделал в блокноте отметку и перешёл к тому вопросу, ради которого всё это писалось.

— Почему вы активировали постоянный режим?

Вельский начал писать.

Он написал одно слово, остановился, посмотрел на него так, как смотрят на чужой почерк, и перечеркнул. Начал второе. Перечеркнул тоже. Он не был растерян; движения оставались уверенными, стилус не дрожал. Просто каждая следующая строка не продолжала предыдущую.

На листе осталось: **проверить** и, ниже, зачёркнутое **не мог**.

Царапина от перечёркивания была слышна отчётливо.

А потом Ардин обнаружил, что уже знает ответ.

— Временный режим не годился. Пока средство проверки остаётся частью того, что проверяешь, ничего не проверишь. Мне нужно было увидеть, что останется, когда возврат невозможен.

Смысл сложился раньше, чем Ардин успел заметить, где тот начался. Он поднял голову; Вельский держал стилус над листом, и лист был испорчен двумя перечёркиваниями.

Он компенсирует. Письмо разрушено, устная инициатива нарушена — мозг ищет обходной путь. Ненормально, но не бессмысленно.

Это укладывалось. Исполнительный дефицит при сохран-

ном интеллекте — картина некрасивая, но известная.

— Уточню, — сказал Ардин. — Вы считаете решение об активации своим?

На экране появились два поля: «да» и «нет».

Вельский выбрал «да». Затем отменил выбор.

Он вписал сбоку: **фактически**. Поле «по намерению» осталось пустым.

— Это не ответ, — сказал Кравец.

— Это ответ.

— Илья Сергеевич, он подписал согласие, он вошёл в операционную, он включил постоянный режим своими руками. Юридический статус действия не может зависеть от того, чувствовал ли он себя его автором. Иначе любой человек в любой момент может сказать, что намерение было не вполне его.

— Может. И тогда мы обязаны проверить, не разрушено ли у него чувство агентности. Именно это я сейчас и делаю.

Кравец сжал край планшета. Впервые за всё заседание он посмотрел прямо на Вельского — коротко, будто проверял, слушает ли тот, — и сразу отвёл взгляд.

Ардин отметил и это.

Оставался последний пункт ориентировки. Он был формальным, он входил в бланк, и Ардин задавал его сотни раз.

— Вы считаете себя тем же человеком, который принял решение об операции?

Вельский не ответил сразу.

Он посмотрел на лист с датой вмешательства и провёл по ней пальцем — не подчёркивая, просто коснулся, как касаются края стола. Потом закрыл стилус. Щелчок был короткий и сухой.

На Ардина он не смотрел.

— Непрерывность сохранилась. Принадлежность — нет. Левина перестала поворачивать карандаш.

Ардин остался сидеть, разбирая ответ на части, как разбирал бы жалобу пациента. Память о фактах — сохранена. Причинная линия от того человека к этому — не разорвана: он помнит, кто подписывал, помнит зачем, помнит дату. Не утверждает, что стал другим. Не утверждает, что прежнего убили. Утверждает только, что прошлое больше не переживается как **его**.

Это имело название. Это имело даже код. Деперсонализация с нарушением автобиографической принадлежности — тяжело, редко, но описано.

Не амнезия. Он узнаёт свою биографию, как узнают содержание чужой истории.

Формулировка ему понравилась, и он потянулся её записать.

На экране она уже стояла.

Пациент подтверждает непрерывность личности при частичном нарушении субъективной принадлежности автобиографического опыта.

Точно. Компактно. Пригодно для заключения. Из трёх от-

меток стилусом, двух перечёркнутых слов и одной фразы, которой на листе не было вовсе, — вышло целое клиническое предложение.

Ардин перечитал строку.

Странности в ней не осталось совсем.

Протокол понимал его лучше, чем следовало.

ГЛАВА 4. ВБРОС

Ардин убрал бланк ориентировки и вывел на экран схему речевого контура.

— Что именно вы собирались из неё убрать?

Список стоял справа: внутренняя речь, чувство авторства, речевой прогноз, моторная подготовка, память, понимание языка.

Вельский отметил первые три. Память и понимание он не тронул.

— Три из шести, — сказал Кравец. — Хорошо. Тогда объясните мне другое. Всё это размыкается временно. Час, два, сколько нужно. Вы включили постоянный режим. Это не диагностика.

Вельский написал:

Проверить остаток.

Ардин смотрел на два слова. Строка на экране развернула их сама:

Определить, какие когнитивные процессы сохраняются после устранения автоматической внутренней речи.

— И что осталось? — спросил Ардин.

Ответа он ждал письменного и потому смотрел на стилус.

— Осталось всё, кроме рассказчика.

— Конкретнее.

— Ощущения. Цели. Различение. Я по-прежнему хочу пить и знаю, что вопрос задан мне. Исчезло сопровождение. Раньше каждое движение получало объяснение, и объяснение приходило так быстро, что казалось причиной. Теперь между действием и объяснением есть промежуток. В промежутке видно, что действие уже началось.

— Это описание нарушенного самомониторинга, — сказал Ардин. — Я приму его как симптом. Но вы делаете из него вывод, а вывод у вас другой.

— Какой?

— Что голос не ваш.

Он ждёт этого. Не давай ему сильную версию слабо.

Ардин отодвинул планшет и заговорил медленнее.

— Мозг производит действие. Затем производит объяснение. Объяснение приходит позже — это установлено, это не спорно и это не делает объяснение чужим. Печень тоже работает без вашего согласия, и вы не считаете её захватчиком. Автоматическое не равно постороннему. Отсутствие контроля не создаёт второго агента. Всё, что вы описали, укладывается в человека без всякой добавки.

Вельский долго не отвечал. Он смотрел на собственный лист, на два перечёркнутых слова.

— Согласен.

— С чем именно?

— Со всем. Отдельный агент не требуется.

Левина подняла голову.

— Тогда о чём разговор?

— О том, что системе не нужно быть личностью, чтобы иметь направление. Ей достаточно воспроизводиться точнее конкурентов. Достаточно того, что носитель считает её частью себя и защищает так же, как защищал бы себя. Никакой воли. Никакого центра. Только устойчивость.

— Стоп. — Левина придвинула лист к центру стола. — Разберём. Вы складываете в одно четыре разные вещи: язык, внутреннюю речь, культурную передачу и самоподдерживающуюся систему. Это не синонимы. Дальше. По вашему критерию — воспроизводится, влияет на носителя, не контролируется полностью, имеет собственную историю — паразитом оказывается музыка. Математика. Право. Похоронный обряд. Вся культура целиком. Критерий, под который попадает всё, не является критерием.

— Не спору. Ни одна из них не годится.

— Почему?

— Потому что ни одна из них не участвует в сборке того, кто её защищает. Право не выращивает юриста из младенца. Язык — выращивает. Он приходит раньше, чем появляется человек, способный оценить, стоит ли его впускать. И то, что потом называет себя «я», собрано уже им. Поэтому носитель защищает эту структуру не как полезный инструмент. Он защищает её как себя.

Грандиозная надстройка над личным симптомом. Он объясняет собственную травму устройством челове-

ства.

Ардин записал фразу на чистой странице — полностью, дословно, — и только потом заметил, что записал её раньше, чем решил, что она важна.

— Пример, — сказала Левина. — Проверяемый.

— Люди, получившие полноценный язык поздно.

— Осторожно.

— Я осторожен. Их измеряли много раз. Всегда одинаково: что они не приобрели. Отсутствие сложного счёта, ложных убеждений, времени, вложенных конструкций. Хорошая, честная наука. Но она измеряет только по одной оси. Того, что могло быть у них до и что исчезло после освоения языка, никто не мерил. Не потому, что не хотели. Потому что инструмент измерения — сам язык.

— Слабо, — сказала Левина. — Все известные случаи смешаны с изоляцией, насилием, голодом, отсутствием ухода. Вы не отделите язык от среды. Это не проверяемый тезис, это дыра, в которую вы вставляете гипотезу.

— Это не доказательство. Это слепое место метода. Я не выдаю одно за другое.

Она подчеркнула что-то и не стала развивать.

Кравец, всё это время не отпускаявший планшет, наконец положил его.

— Хорошо. Тогда я задам единственный вопрос, который здесь имеет смысл. — Он подался вперёд. — Вы говорите о языке как о чём?

Вельский не двигался. Стилус лежал у края стола, там, где он его оставил.

— Язык не создан человеком. Он научился продолжаться через него.

Левина отреагировала мгновенно.

— «Научился». Кто субъект?

— Никто.

— Тогда уберите глагол. «Научился» предполагает того, кто учился. Вы вставляете сознание через грамматику и делаете вид, что не вставляли. Скажите «отбор закрепил формы, которые лучше воспроизводились» — и я, возможно, соглашусь. Но тогда у вас не паразит, а обычная культурная эволюция, о которой пишут сто лет.

— Механизм, — сказал Кравец. — Где он? Что переносится? Через что? Покажите носитель, покажите передачу, покажите измерение. Пока вы описываете, как система себя ведёт. Как она устроена — вы не сказали ни слова.

Спор шёл в правильную сторону, и Ардин не стал его останавливать. Он смотрел на человека, который согласился с каждым возражением и не сдвинулся ни на шаг, и следующий ход был очевиден. Так работают все системы такого рода. Сейчас будет объявлено, что внутренний голос — отдельное существо, и тогда всё встанет на места: сверхценная идея с личным ядром, послеоперационная надстройка, аккуратная, начитанная, нефальсифицируемая.

Следующий шаг — объявить внутренний голос отдель-

ным существом.

Он открыл рот, чтобы задать вопрос.

— Отдельное существо ничего не объяснит.

Ардин остановился.

— Личность там не нужна, — продолжал ответ. — Не нужен центр, не нужно намерение, не нужен тот, кто хочет. Достаточно распределённого механизма продолжения. Если бы внутри вас сидело существо, его можно было бы найти и вырезать. В том и дело, что вырезать нечего.

Левина что-то сказала о слове «распределённый». Кравец потребовал определения. Ратникова, не поднимая головы, поставила в поле разметки временную метку и открыла соседнее окно.

Ардин сидел очень прямо.

Объяснений было несколько, и все годились. Лицо. У него всегда было плохое лицо для покера, Ирина говорила об этом двадцать лет. Возражение очевидное: любой психиатр на его месте сказал бы то же самое, и Вельский, который сам полжизни работал с чужими головами, обязан был его предвидеть. Больше того — обязан был подготовить ответ заранее.

Всё это было верно.

Он уже знает следующий вопрос.

Нет. Он знает, какие вопросы здесь возможны.

ГЛАВА 5. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРАЗИТА

— Остановите протокол на слове «паразит», — сказала Левина.

— Оно ещё не прозвучало, — ответила Ратникова.

— Оно прозвучит. Выделите его заранее и уберите автоматические синонимы. Я не хочу, чтобы через двадцать минут оно оказалось связано с чем-то, чего никто не говорил.

Ратникова открыла разметку.

— Слово уже привязано. Симбионт. Меметический репликатор. Информационный агент. Патогенный паттерн.

— Разорвите.

— Разрыв потребует ручного подтверждения по каждой категории.

— Разорвите.

Клавиши щёлкнули четыре раза.

Она защищает не Вельского. Она защищает слово от нас.

Левина развернула лист к центру стола.

— Признаки паразитизма. Зависимость от носителя. Воспроизводство через носителя. Выгода для системы. Издержки для носителя. Частичное расхождение интересов. Это минимум, и он биологический. Теперь смотрите. У языка нет метаболизма. Нет отдельной наследуемой единицы. Нет до-

казанного отбора на уровне единой сущности. Ни одного из трёх условий, при которых слово вообще имеет содержание.

— Согласен. — Стилус Вельского лежал неподвижно. — «Паразит» описывает отношение, а не анатомию. Носителем не обязан быть организм. Достаточно системы, которая способна принять структуру, истолковать её и воспроизвести. Воспроизводится структура, а не вещество. Выгода — сохранение и расширение. Вред не обязан быть разрушением. Обычно он и не бывает разрушением: слишком выгодный носитель.

— Тогда назовите вред.

— Позже. Сначала польза.

— Хорошо. — Левина ногтем отделила одну строку от другой. — Обучение. Кооперация. Сохранение опыта. Право. Наука. Планирование на годы вперёд. Автобиографическая память. Передача культуры. Каждым из этих слов вы обязаны языку, включая слово «паразит», которым вы его называете. Объясните мне: каким образом система, создавшая большую часть человеческого преимущества, оказывается паразитом?

— Никаким. Если требовать, чтобы паразит был вреден.

— А если не требовать, слово пустое.

— Полезность не доказывает совпадения интересов. — Он говорил ровно, без нажима. — Митохондрия полезна. Она не спрашивает клетку. Симбиоз, который длится достаточно долго, перестаёт быть договором и становится устрой-

ством. Носитель уже не может выйти — не потому, что ему не дают, а потому, что выходить будет некому. Вы называете это преимуществом. Я не спорю. Я говорю, что цена такого преимущества не обсуждается, потому что обсуждать её нечем.

Ардин записал.

Сильно. И всё ещё не доказывает, что у системы есть собственное направление.

— Критерий, — сказала Левина. — Что должно наблюдаться, чтобы мы имели право говорить о собственном векторе системы? Без метафор. Списанием.

Вельский взял стилус.

Он написал коротко, не связывая пункты в предложения: сохраняется при смене носителей меняет поведение носителя в свою пользу носитель защищает её при личном вреде уменьшает потери при передаче развитие не выводится из цели одного носителя

— Пять признаков, — сказала Левина. — Хорошо. Проверим. Религия. Все пять. Право. Все пять. Научная традиция. Все пять. Государство. Рынок. Похоронный обряд. Любимый устойчивый институт, Марк Андреевич, проходит ваш тест целиком. Ваш критерий не отделяет язык ни от чего.

— Да.

Он сказал это без сопротивления, и в комнате на секунду стало тише, чем было.

— Простите?

— Вы правы. Язык не единственный репликатор. Он даже не самый агрессивный. Он другой в одном: все остальные существуют внутри него. Религия передаётся языком. Право записано языком. Наука проверяется языком. Вы сейчас опровергаете меня — языком. Я не утверждаю, что он единственный. Я утверждаю, что он среда, в которой живут все прочие, и поэтому его нельзя вынести наружу и рассмотреть.

Ардин отложил ручку.

Вот теперь это стало похоже на то, с чем он работал двадцать лет. Не на ошибку. На конструкцию.

— Марк Андреевич. Что опровергло бы вашу гипотезу?

— Три вещи.

— Слушаю.

— Первое: если внутренняя речь окажется полностью произвольной. Если человек может по решению остановить её и держать остановленной, сколько захочет, — тогда это инструмент, и разговор закрыт.

— Второе?

— Если размыкание речевого контура не изменит чувство личности. Если человек, у которого убрали внутренний рассказ, останется ровно прежним человеком — значит, рассказ ничего не собирал, а только сопровождал.

Кравец поднял голову.

— Вы описываете эксперимент, который провели на себе.

— Да.

— И результат вам не понравился.

— Результат в этой комнате. Я не могу его оценить. Оценивать должны вы — потому и сижу здесь.

— Третье, — сказал Ардин.

— Если разные языки не создают потерь при передаче смысла. Если любое содержание переносится между любыми двумя системами без остатка — тогда никакой защиты нет и говорить не о чем.

Он положил стилус.

— Ни одно из трёх не проверено. Всё три проверяемы.

Кравец придвинул кресло к столу.

— Проверяемы кем? Вами? — Он говорил коротко, как всегда, когда переставал слушать. — Вы даёте признаки поведения. Носитель — где? Что физически переносится от человека к человеку? Через какой канал? Что я должен измерить прибором? Вы описали, как эта штука выглядит со стороны. Это не механизм.

Левина не сразу ответила. Она перечитывала свои пять строк.

— С «вектором» та же беда, — сказала она наконец. — Вектор — это направление в чём-то. Вы не назвали, в чём. Пока это не механизм, а метафора, надетая на статистику.

Идеальная система. Любое возражение становится её подтверждением. Любая проверка требует средства, которое она уже объявила заражённым. Это не механизм. Это форма.

Ардин обнаружил, что думает почти теми же словами, ко-

торами только что говорили двое, и отнёс это на счёт усталости и общего предмета. Все трое смотрели в одну сторону; неудивительно, что и формулировали похоже.

— Три близких фрагмента, — сказала Ратникова.

— Что?

— Три реплики за девяносто секунд. Разная адресация, одна конструкция. Протокол предлагает свести их в общее возражение комиссии. Подтвердить?

На экране, ниже трёх строк с именами, уже стояла четвёртая.

Комиссия отмечает отсутствие установленного механизма.

Она была точна. Она была короче любой из трёх.

— Нет, — сказала Левина. — Верните отдельные формулировки. Я говорила о векторе. Антон Викторович — о канале переноса. Илья Сергеевич вообще ничего не говорил. Это не одно возражение, это три, и они не заменяют друг друга.

Ратникова вернула строки. Три реплики встали на свои места, с именами и метками времени, каждая на своём.

Общая осталась ниже, в служебном поле сводки, где её никто не отменял.

ЧАСТЬ II. НЕСОВПАДЕНИЕ

ГЛАВА 6. СЕТЬ, А НЕ ЦЕНТР

Кравец развернул схему к себе и стёр с неё два цветных пятна, которыми административное заключение обозначало речевые центры.

— Если мы сейчас обведём две области и назовём это удалением языка, можно расходиться. — Он увеличил изображение. — Ни одна из функций, которые мы здесь обсуждаем, не живёт в одной точке. Ни речь. Ни авторство. Ни внутренний голос. Это сети. Смотреть надо на связи, а не на области.

— Схема тоже интерпретация, — заметила Левина.

— Да. Но моя привязана к измеримым функциям, и её можно опровергнуть прибором. В этом вся разница между ней и словом «паразит».

Он перешёл на второй слой раньше, чем Ратникова успела предложить его.

Он знает последовательность экранов наизусть.

— Марк Андреевич. — Кравец не смотрел на Вельского; он смотрел на схему. — Где регистрировалась внутренняя речь?

Стилус коснулся трёх узлов подряд.

— Триггер?

Ещё один узел.

— Что подавлялось?

Вельский отметил не области, а линии между ними.

— Правильно, — сказал Кравец, и это прозвучало не как похвала, а как проверка, которую кто-то прошёл. — Далее он отметит петлю прогноза.

Вельский отметил петлю прогноза.

Ардин перестал писать.

Не внешний эксперт.

— Итак. — Кравец обвёл контур целиком. — ПРРА не выключает язык. Она рассогласовывает цепочку. Смысл возникает — это остаётся. Смысл упаковывается во внутреннее проговаривание — это разорвано. Мозг ожидает услышать собственный голос — прогноз снят. Фраза присваивается как своя — присвоение снято. Ответ готовится к произнесению — подготовка снята. Пять звеньев, каждое из которых существует отдельно и у здорового человека, и все пять были известны до вас. Ничего сверхъестественного. Тонкая, злая, аккуратная работа.

— И временный режим давал то же самое, — сказал Ардин.

— Давал. На сорок минут. — Кравец наконец повернулся. — Он включил постоянный.

Вельский задержал стилус над схемой. Не надолго, но заметно: пауза пришлась не на вопрос, а на слово «постоянный».

— Сохранено, — Кравец начал новый список. — Понимание речи. Чтение. Узнавание слов. Выбор. Профессиональные знания. Двигательное планирование. Короткая запись.

Оценка последствий. Илья Сергеевич, подтверждаете?

— Подтверждаю. Всё восемь пунктов — за последние сорок минут, при мне.

— Нарушено. Свободная связная речь. Внутренняя репетиция. Объяснение мотивов. Последовательность автобиографии. Уверенность в авторстве намерений. — Он опустил маркер. — Никакого разрушенного мозга. Точечная, воспроизводимая, чудовищная процедура. И она объясняет ровно то, что должна была объяснить.

— Тогда зафиксируем следствие, — сказала Левина. Она провела на своём листе стрелку от одного слова к другому. — Понимание значения — сохранено. Словесная упаковка — нарушена. Значит, смысл и его словесная форма разделимы. Не философски. Физически. Вот он сидит.

— Разделимы, — сказал Кравец. — И это всё, что отсюда следует. Из того, что два процесса можно рассогласовать скальпелем, не следует, что один из них — существо.

— Я этого и не сказала.

— Вы к этому шли.

Ардин отодвинул планшет.

— Марк Андреевич. Что вы потеряли, кроме внутренней речи?

Вельский ответил не сразу, и ответ собирался долго, кусками, через выбор из предложенных вариантов и две короткие записи.

Порядок событий путается. Он помнит совещание и пом-

нит разговор после него, но не всегда может сказать, что было раньше. Собственные записи узнаёт; своими чувствует не все. План выполняет — объясняет хуже, чем выполняет. Действие начинается раньше, чем появляется причина, и причину приходится искать отдельно, как чужую.

— Устаю, — написал он под конец. И, помедлив, дописал: — от точных слов.

Он выглядел на свои сорок девять и ещё немного сверху. Дыхание было заметным. За последние десять минут он ответил на два десятка точных заданий, и это было видно по нему так же ясно, как усталость видна у человека после физической работы.

Никакого освобождения. Обыкновенная тяжёлая инвалидность, объяснённая красивой теорией.

Кравец поднялся, обошёл угол стола и остановился у экрана.

— Хорошо. Тогда я закрою эту часть. — Он говорил быстрее обычного. — ПРРА объясняет отсутствие внутренней речи. Объясняет нарушенное авторство. Объясняет странную подготовку ответа и то, что он не может дописать фразу до конца. Всё это — его мозг, его операция, его последствия. Но она не объясняет ни одной секунды того, что происходит с нами. Почему четыре человека в этой комнате слышат от него связные развёрнутые ответы, если развёрнутая речь у него разрушена? — Он положил ладонь на край стола. — Ваше вмешательство объясняет вас. Оно не объясняет нас.

Никто не ответил.

Ардин записал эту фразу целиком. Она была первой на заседании, которая указывала не на Вельского.

— Нина Олеговна. Исходные данные. Всё. — Кравец говорил, уже глядя в экран. — Предоперационное картирование. Тестовый временный режим. Момент постоянной активации. Первые шесть часов после. Необработанные записи, не сводки.

Ратникова открыла журнал.

Массив разворачивался столбцом: сегменты, метки, контрольные суммы, размеры. Столбец шёл ровно.

Потом в нём возник разрыв.

— Сегмент отсутствует, — сказала Ратникова.

— Повреждён?

— Отсутствует. Нумерация непрерывна. Между двадцать первым и двадцать третьим ничего нет. Ни временной метки, ни сырого сигнала, ни комментария наблюдателя, ни контрольной суммы. Повреждённый файл выглядит иначе: остаётся оболочка. Здесь оболочки нет.

Кравец не двигался.

— Это не сбой архива, — продолжала она. — Сбой оставляет след. Это изъятие.

— Этическое изъятие оформляется актом, — сказал Ардин. — Акт есть?

— Акта нет.

Кравец смотрел на пустой интервал.

— Какой именно фрагмент вы ищете? — спросила Ратникова.

— Второй временный запуск. Между первым и постоянным. Сорок минут, из них аномальными были последние девять. Пассивная регистрация, без стимуляции. Там нет ничего интересного, кроме артефакта на слуховом прогнозе, который тянется через все каналы и не может быть физиологическим, потому что он...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.